

18. Майко В.В. Тмутаракань и Восточный Крым. Основные этапы этнокультурных связей. – Киев: Ruthenica. Т. IX. 2010.
19. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X-XV веках. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2006.
20. Мельников П.И. Очерки мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981.
21. Новосельцев А.П. Образование древнерусского государства и первый его правитель. // Вопросы истории, №2-3. 1991.
22. Плетнева С.А. Балкано-Дунайская культура. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука. 1981.
23. Плетнёва С.А. Керамика Саркела–Белой Вежи. // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. Материалы и исследования по археологии СССР. № 75. М.–Л. 1959.
24. Плетнева С.А. Кочевники в Таматархе. Российская Археология. № 2/2001.
25. Плетнева С.А. Печенеги. // Исчезнувшие народы. – М.: Наука, 1988.
26. Плетнева С.А. Половцы. – М.: Наука, 1990.
27. Плетнева С.А. Таматарха-Тмутаракань. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. – М. 2003.
28. Полное собрание русских летописей, Т1. – М. 1962.
29. Полное собрание русских летописей Т2. – М. 1962.
30. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. – М. 1971.
31. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. – М.: Наука, 1982.
32. Руденко К.А. Возникновение городов в Волжской Булгарии и болгарской области Золотой Орды. // Поволжская Археология. Вып. 1/2012.
33. Смокотина Д.В. Арса: место на карте. // Вестник Томского государственного университета. История, № 2 / 2008.
34. Смокотина Д.В. Балтийско-Каспийский торговый путь в эпоху раннего средневековья. – Томск. 2012.
35. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – С.-Пб.: Академия наук. 1912.
36. Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс. 1964-1973.
37. Федоров Г.Б. Этногенез волохов, предков молдаван, по данным археологии (историографический аспект). // Stratum plus. Археология и культурная антропология. Вып. 5/1999.
38. Хрестоматия по истории. Вып. 2. Документы и материалы по проблемам русской колонизации Нижегородского Поволжья и основания Нижнего Новгорода. – Н. Новгород: Нижегородский коммерческий институт. 2001.
39. Шигапов М.Б. Исследования городища Кашан I в 2012 году // Поволжская Археология. Вып. 2 / 2013.

СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЦК КПСС 1958 ГОДА

Набокина Марина Евгеньевна

к.и.н., доцент ГАОУ ВО МГПУ, Москва

Смирнова Юлия Валерьевна

доцент, к.и.н., доцент ГАОУ ВО МГПУ, Москва

Аннотация

Статья посвящена осмыслению проблем взаимодействия советской политической и интеллектуальной элит в контексте идеологической политики ЦК КПСС. В качестве источниковой базы исследования привлечён комплекс архивных документов Идеологической комиссии ЦК КПСС за 1958 год.

Abstract

The article is devoted to understanding the problems of interaction between the Soviet political and intellectual elites in the context of the ideological policy of the Central Committee of the CPSU. The complex of archival documents of the Ideological Commission of the Central Committee of the CPSU for 1958 was involved as the source of the study.

Ключевые слова: Идеологическая комиссия ЦК КПСС; идеологическая политика СССР; советская интеллигенция; «хрущёвское десятилетие».

Keywords: Ideological Commission of the CPSU Central Committee; ideological policy of the USSR; the Soviet intelligentsia; «Khrushchev's decade».

«Хрущёвское десятилетие» – наиболее противоречивый и неоднозначный период советской истории. Отечественная и зарубежная историография насыщена различными, нередко полярными оценками этого времени.

В современной гуманитаристике довольно распространена точка зрения о том, что хрущёвские преобразования, в целом, носили прогрессивный характер. Были направлены на либерализацию и де-

мократизацию общественной жизни, трансформацию политического режима от тоталитарного к авторитарному.

Хрущёвские преобразования в отечественной перестроечной и постперестроечной историографии нередко противопоставляются последующему периоду «застоя», «неосталинизма» и «контрреформ» и коррелируются с реформами М. С. Горбачёва.

Вместе с тем, существует и другая не менее популярная историографическая позиция о том, что именно с «хрущёвского времени» начался постепенный кризисный процесс разложения основ советской государственности, закончившийся окончательным распадом СССР.

Несмотря на огромное количество работ, посвящённых различным общественно-политическим, экономическим и социокультурным аспектам «хрущёвского десятилетия», исследовательские вопросы о влиянии «хрущёвских реформ» на процесс модернизации советской политической системы и советской общественности, о его преемственности с последующими периодами советской истории не потеряли своей актуальности.

Известны ключевые преобразования Н. С. Хрущёва в общественно-политической сфере, закреплённые в понятиях, ставших символами эпохи: «оттепель», «XX съезд», «десталинизация», «политическая реабилитация». Несмотря на ограниченный характер этих явлений общественной жизни, они ознаменовали собой своеобразную «точку невозврата», заложив предпосылки и истоки глубоких трансформаций советской политической системы, в особенности, её культурно-идеологического компонента. В недрах этих явлений, имевших изначально скромные, практически незаметные масштабы, вызревали процессы, которые изменили советское общество навсегда.

В советском обществе появились т.н. «шестидесятники», «дети XX съезда», «реабилитированные». Нельзя не согласиться с тем, что с точки зрения общечеловеческих ценностей, это было проявлением прогрессивного движения советской политической системы в сторону отхода от репрессивной политики к некоторому раскрепощению общественной жизни, смягчению политического режима.

Вместе с тем, нередко мы забываем о том, что у этого процесса была и обратная сторона медали. Известно, что первые проявления советских оппозиционных настроений отмечались в среде политических заключённых.

Кроме того, знаменитый доклад Н. С. Хрущёва и последующий процесс десталинизации оказался миной замедленного действия для методологических и идеологических основ советского политического строя. Культ И.В. Сталина немислим без самого феномена сталинизма, который, так или иначе, основывался на ключевых постулатах марксизма-ленинизма, тесно связанного с философскими парадигмами зарубежной и российской социал-демократии, представляющими различные утопические социалистические учения.

Думается, что на XX съезде Н.С. Хрущёв «дёрнул» за эту связующую нить, в результате чего распутывание советской интеллектуальной мыслью этого логического клубка в процессе пересмотра и переоценки социалистической модели мироустройства стало неминуемым делом времени.

В связи со стремлением советского руководства и общественности к лидирующим позициям

СССР на международной арене, в том числе в различных областях науки, а также в результате некоторого «приоткрытия» железного занавеса советская интеллигенция всё более проявляла себя как часть мирового научного сообщества.

Кроме того, в ходе политики «оттепели» произошла некоторая либерализация научного мировоззрения, что также таило в себе внутреннюю дихотомию. С одной стороны, можно отметить зарождение в сознании отдельной части советской интеллигенции определённых центробежных процессов, расхождения в интересах части интеллектуальной элиты с политической. С другой стороны, заметно развитие элементов института гражданского общества внутри советского интеллектуального сообщества.

Во многом последствием политики «оттепели» стало появление советских нелегальных кружковых объединений интеллигенции, истоков диссидентского движения, что с точки зрения плюралистического мировоззрения являлось позитивным явлением, но с позиции устойчивости политической системы таило угрозу скрытой оппозиции.

Либерализация общественной жизни «хрущёвского десятилетия» при её прогрессивности для развития полицентрической картины мира, посеяла ростки сомнений и пересмотра существовавшей парадигмы, характеризовалась непоследовательностью в культурной политике.

Безусловно, в рамках одного исследования, невозможно полностью решить названные масштабные научные проблемы, однако архивные материалы Идеологической комиссии ЦК КПСС позволяют под новым ракурсом посмотреть на эти вопросы.

Рассматриваемый в данной статье пласт исторических источников фонда 11 Российского государственного архива новейшей истории является значимым комплексом архивной делопроизводственной документации. Он обладает большой степенью репрезентативности по вопросам советской политической истории названного периода.

Данные документы расширяют научные представления о специфике идеологической политики советской власти, взаимосвязях, взаимодействии и взаимовлиянии государственной власти и интеллектуальной элиты, как части советской интеллигенции и общественности «хрущёвского десятилетия».

Стоит отметить, что Идеологическая комиссия при ЦК КПСС была создана в 1958 году при довольно сложных исторических условиях. В 1956 году на закрытом заседании XX съезда ЦК КПСС был озвучен доклад Н. С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях», а в 1957 году состоялся разгром антипартийной группы, продолжалась Холодная война. Новыми «вызовами» времени была политика «оттепели» в культурной и общественной жизни, частичная десталинизация и политическая реабилитация, возвращение к ленинскому наследию.

В этой связи, одним из направлений в деятельности Идеологической комиссии стало взаимодействие с советской интеллектуальной элитой. Представляется, что целью этого направления деятельности была реализация комплексной идеологической политики, направленной на укрепление культурно-идеологической политической подсистемы.

Для реализации названной цели необходимо было решить следующие задачи: укрепление политического сознания советской интеллектуальной элиты и интеллигенции в целом; укрепление идеологических основ социалистического лагеря; повышение международного престижа советской науки.

Для обновления идеологических ориентиров в советской историографии Идеологическая комиссия ЦК КПСС занималась разработкой проспекта издания «История Великой Отечественной войны Советского Союза». Основная его цель – разработать ориентиры для интерпретации политического характера Второй мировой войны [2: с. 9–17].

Пожалуй, основополагающим вопросом в данном контексте являлась проблема преемственности Первой мировой и Второй мировой войн. На основании представленного документа, можно утверждать, что к 1958 году в советской исторической науке назрела объективная необходимость для переосмысления данного вопроса.

Одной из главных внешнеполитических причин поиска новых интерпретаций, в целом, политического характера Второй мировой войны, была продолжавшаяся Холодная война, которая расколола геополитическое мировое пространство на два противоборствующих лагеря и превратила бывших союзников по антигитлеровской коалиции во врагов.

В связи с частичной десталинизацией и возвращением к ленинскому наследию, Редакционная комиссия предлагала отойти от сталинских формулировок об изначальном освободительном, антифашистском характере войны, созданных ещё до речи У. Черчилля в Фултоне.

Об идейно-политических причинах признания полной преемственности двух мировых войн свидетельствуют ссылки документа на ряд источников: В цитируемых документах подчёркивалась роль капиталистических правительств США, Англии, Франции в развязывании Второй мировой войны. Война рассматривалась, в той или иной степени, как результат неразрешённых Версальско-Вашингтонской системой противоречий. Вместе с тем, существовавшие интерпретации были уже явно недостаточными.

В этой связи, в определении характера Второй мировой войны перед Редакционной комиссией стоял ряд задач: разработать согласованную позицию по проблеме преемственности Первой мировой и Второй мировой войн; опровергнуть положение западноевропейской историографии об освободительном характере Второй мировой войны на первом этапе; представить трактовку превращения войны из империалистической в освободительную.

Надо сказать, что названные задачи были успешно реализованы. В результате работы комиссии была найдена согласованная позиция о том, что Первая и Вторая мировые войны сходны по своим экономическим основам, но Вторая мировая война проходила в других исторических условиях. До вступления Советского Союза война носила империалистический характер, явилась результатом столкновения двух капиталистических коалиций.

Кроме того, дано объяснение тому, что освободительную борьбу польского народа нельзя считать доказательством освободительной борьбы англо-французской коалиции, поскольку она велась вопреки политике польского правительства, представлено объяснение причин невступления Советского Союза в войну на первом этапе в силу её империалистического характера, разработана периодизация империалистического и освободительного этапов Второй мировой войны.

Редакционная комиссия подготовила ряд сообщений в доказательство положения об империалистическом характере Второй мировой войны и тезисы «О характере второй мировой войны». Несмотря на очевидную политизированность данного документа, примечательно, что в нём поднимаются такие исследовательские вопросы, которые до сих пор остаются дискуссионными и актуальными в современной отечественной и зарубежной историографии: вопрос о характере Второй мировой войны, особенно на первом её этапе, о противоречиях внутри антигитлеровской коалиции, о вкладе союзников СССР в победу над нацистской Германией.

Рассматриваемое направление в работе Идеологической комиссии ЦК КПСС открыло ряд перспектив для отечественной исторической науки в исследовании целого спектра тем, в частности: комплексного исследования Первой и Второй мировых войн; противоречий внутри антигитлеровской коалиции, причин затягивания вопроса об открытии второго фронта, участия американских, английских, французских военнослужащих на стороне стран «оси»; западноевропейской политики «умиротворения» агрессора и её краха, значения Мюнхенского соглашения в развязывании Второй мировой войны; роли крупного капитала, в том числе иностранного, в становлении нацистского режима в Германии, политики «странной войны» западных держав и т.д.

Ещё одной формой работы Идеологической комиссии при ЦК КПСС было участие в преобразованиях в области архивного дела. Известно, что в 1956–1964 годах в рамках культурной политики происходила реорганизация архивного дела. Этот процесс был регламентирован рядом ключевых нормативных документов: Постановлением Совета Министров СССР от 7 февраля 1956 года: «О мерах по упорядочению хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств», Положением о государственном архивном фонде СССР от 13 августа 1958 года и т.д.

В целом, эти преобразования вполне вписывались в общий вектор культурной политики, направленной на развитие передовой советской науки и

частичную либерализацию общественной жизни, в том числе научной. Происходил процесс частичного рассекречивания архивных фондов, расширения источниковой базы исследований, советские архивисты принимали участие в Международных конгрессах.

Перед ЦК партии, в том числе, перед Идеологической комиссией ЦК КПСС стояла непростая задача. Без вреда для незыблемости марксистско-ленинских основ советской исторической науки и стран социалистического лагеря осуществить усовершенствование архивного дела в условиях десталинизации.

В связи с этим, необходимо было налаживание международного научного сотрудничества для усвоения советскими архивистами зарубежного опыта и преодоления серьёзного отставания в организации советских архивов, а также для информированности о той источниковой базе, которой располагают оппоненты в лице буржуазной, ревизионистской историографии.

В частности, было принято решение «О командировании во Францию сотрудников архивов МВД СССР и МИД СССР» [4: с. 156]. Оно обосновалось следующими соображениями: «<...> ознакомление советских архивистов с последними зарубежными достижениями в архивном деле будет способствовать лучшему выполнению Постановления ЦК КПСС от 7 февраля 1956 года <...> хранящиеся во французских архивах документы, относящиеся к истории России, могут представить значительный интерес» [4: с. 159].

В процессе реорганизации архивного дела весьма важным было не потерять контроль над информационным полем советской исторической науки, «отфильтровать» политически и идеологически нецелесообразные, вредные информационные потоки.

В данном контексте весьма любопытными представляются решения о передаче архивных документов, принятые Идеологической комиссией ЦК КПСС. К примеру, возник вопрос «О передаче архивных документов Института истории партии ЦК ПОРП в Институт марксизма-ленинизма» [3: с. 116], по которому было принято решение: «Взять документы на хранение в Институт марксизма-ленинизма <...> ввиду политического характера значительного числа документов этого архива» [3: с. 118].

Как писал Т. Данишевский: «Институт истории партии возник <...> на базе бывшего Отдела истории партии ЦК ПОРП. <...> Перед институтом стоят задачи научной разработки истории партии и польского рабочего движения, освещения борьбы пролетариата в связи с основными событиями национальной истории и международным рабочим движением, прежде всего с революционным движением в России <...>» [1: с. 211].

Из представленных формулировок становится понятной тактическая логика рассматриваемого решения, связанная с отбором, регулированием и кон-

тролем источникового массива в соответствии с политическими задачами обеспечения «информационной безопасности» советского режима.

Аналогичный сюжет связан с вопросом «О передаче некоторых материалов ЦК СЕПГ». Было принято решение «о передаче ЦК СЕПГ микрофильмов архивных документов КПГ периода 1919–1935 гг. <...>» [3: с. 45].

Однако был поставлен чёткий ограничитель: «Кроме указанных в списке документов, в архивах имеются <...> материалы периода 1923–24 гг., передача которых ЦК СЕПГ в настоящее время вызывает сомнения. <...> В связи с тем, что эти материалы касаются существовавших между Э. Тельманом и В. Пиком разногласий, о которых в СЕПГ ранее нигде не упоминалось, считали бы пока нецелесообразным передавать их ЦК СЕПГ» [10: с. 59].

Для безопасности советской государственности ситуация усугублялась ещё и тем, что США активно использовали практику ведения информационной войны на международном уровне с привлечением крупных фигур научного мира. Например, американские юристы трёх штатов выступили поверенными группы истцов в количестве 17 человек. В их числе граждане из США, Великобритании, Японии, Франции, Западной Германии и Канады, в том числе, известные лауреаты Нобелевской премии проф. Ланус Полинг из США и проф. Берtrand Рассел из Англии. Они «<...> направили исковое заявление в Верховный суд СССР о вынесении декларативного судебного решения о незаконности испытаний атомного и водородного оружия и запрещения Министерству Обороне СССР и Министерству среднего машиностроения СССР проводить взрывы любых ядерных бомб» [9: с. 60].

В этой связи, ещё одной формой деятельности Идеологической комиссии ЦК КПСС была разработка ответных действий при консолидации с советской научной элитой в рамках информационной войны с США, что иллюстрирует ответ группы советских учёных на письмо американского учёного-атомника Л. Полинга: «Советские учёные всегда активно выступали за прекращение экспериментальных ядерных взрывов, иногда они выступали с такими требованиями, как Вам известно, совместно с американскими учёными. <...> Однако, эти предложения не встречали поддержки со стороны правительств других стран, располагающих ядерным оружием, – США и Великобритании. Верховный Совет СССР <...> по предложению Советского правительства принял постановление об одностороннем прекращении Советским Союзом испытаний атомного и водородного оружия» [6: с. 1].

Кроме этого, ЦК КПСС посредством интеллектуальной элиты стремился привлечь к проблемам разоружения мировую научную общественность, о чём свидетельствуют документы Идеологической комиссии, в частности, «О проведении Конференции учёных стран Азии и бассейна Тихого океана по борьбе против испытаний ядерного оружия» [6: с. 1–8]. «По сообщению резидента КГБ в Нью-Йорке, обращение советских учёных, в котором

предлагается созвать Международную конференцию по вопросу о запрещении атомного оружия, вызвало положительные отклики в научных и общественных кругах США. <...> Идея запрещения атомного оружия пользуется популярностью среди учёных и большинства населения США [6: с. 6].

Вместе с тем, под влиянием внутривосточных и внешнеполитических процессов «хрущёвского десятилетия» постепенно менялась политическая культура советской интеллигенции и интеллектуальной элиты. С одной стороны, сознательно или неосознанно замыслы и интересы определённой её части начинали расходиться с патерналистской психологией, свойственной командно-директивной системе управления.

Эти процессы хорошо иллюстрирует следующий пример: «Президиум Академии наук СССР сообщает, что секретарь Международной конференции по полупроводникам М. Хебб (США) пригласил советских учёных принять участие в этой конференции. <...> Из пригласительных писем секретаря конференции М. Хебба явствует, что академик Иоффе рекомендовал ему направить персональные приглашения. <...> Считаю, что т. Иоффе поступил неправильно. <...> Рекомендованный т. Иоффе американскому учёному список составлен тенденциозно – в нём представлена лишь узкая группа учёных, часть которых к тому же до сих пор не получила разрешения на выезды за границу. <...> Академик Иоффе уже не впервые допускает неправильные действия при общении с иностранными учёными <...> выезды т. Иоффе за границу целесообразно ограничить [8: с. 105–106, 111].»

Как отмечает А.В. Соколов, поколение шестидесятников – «несколько миллионов талантливых учёных и научных работников, осознающих себя интеллектуальным авангардом общества, болезненно ощущали свою зависимость от партийно-государственной номенклатуры» [11: с. 589–590].

С другой стороны, политическая элита СССР, усматривала истоки гражданской политической культуры в среде советской интеллигенции, её стремление к большей инициативности, самостоятельности и активности. Поэтому была вынуждена искать эффективные каналы взаимодействия с ней, откликаться на её нужды и запросы, особенно когда они совпадали с интересами международного престижа советской науки.

Так «В Отдел административных органов ЦК КПСС обратились видные советские учёные-онкологи, которые сообщили о серьёзных недостатках в проведении научных исследований по раку и в организации противораковой борьбы в СССР», на что последовала незамедлительная реакция: «<...> Считали бы целесообразным поручить <...> разработать в двухмесячный срок предложения по этим вопросам и внести их на рассмотрение Совета Министров СССР» [7: с. 77–78].»

Кроме того, Идеологическая комиссия ЦК КПСС отчётливо понимала, что именно советская интеллектуальная элита и её достижения являлись главным союзником и «инструментом» для поддер-

жания положительной репутации и международного престижа СССР, укрепления социалистического лагеря, поиска единомышленников, партнёров и друзей во всем мире.

В этой связи, весьма любопытными представляются документы «Об организации советской социологической ассоциации». Идеологическая комиссия ЦК КПСС отмечала: «<...> участие советских учёных создало бы условия для выдвижения на обсуждение интересующих нас вопросов <...> и немного расширило бы возможности по линии личных контактов. Это серьёзно усилило бы научную информацию прогрессивной общественности, особенно Востока, о развитии экономики, культуры и общественных наук в СССР <...>» [5: с. 83–90].

Таким образом, представляется возможным выделить следующие направления в многогранной деятельности Идеологической комиссии ЦК КПСС: пересмотр и выработка историографических позиций в новых условиях; реорганизация архивного дела; регулирование и контроль взаимодействия советской интеллектуальной элиты с зарубежными коллегами, поиск единомышленников среди зарубежных учёных.

В конце 1950-ых годов происходят постепенные, но серьёзные изменения в политической культуре, политическом сознании и стиле взаимодействия советской интеллигенции и советской политической элиты: заметно стремление первой к большей инициативности, самостоятельности и гражданской активности. Как отмечает Е.А. Токарева, вопрос о взаимоотношениях интеллигенции, власти и общества «давно лежит в более широком дискурсивном пространстве...» [12: с. 159].

В этой связи, ключевым «вызовом времени» для советской политической элиты стало изменение стиля идеологической политики ЦК КПСС. Идеологическая политика развивалась в направлении большей гибкости, поиска новых каналов и механизмов взаимодействия с советской интеллектуальной элитой. Во многом благодаря деятельности Идеологической комиссии ЦК КПСС налаживался диалог и укреплялись отношения между политической и интеллектуальной элитой СССР и социалистического лагеря, а советская интеллигенция сохраняла позиции опоры и социальной базы советской идеологии.

Представляется, что этим закладывались основы нового политического курса, направленного на стабильность политической жизни, инверсию активного реформаторского пути и ресталинизацию.

Анализ документов Идеологической комиссии ЦК КПСС подтверждает распространённые выводы об ограниченности и «рамочности» процессов хрущёвской десталинизации, политической реабилитации и демократизации в общественно-политической и культурной сферах, расширяет наши представления о необходимости таких ограничений в качестве «ремней безопасности» для советской политической системы и, прежде всего, советской политической элиты.

Литература

1. Данишевский Т. О работе института истории партии при ЦК ПОРП // Вопросы истории. №1. 1960. С.211 – 215.
2. РГАНИ. Ф.11. Оп.1. К. 2560.
3. РГАНИ. Ф.11. Оп.1. Д. 220.
4. РГАНИ. Ф.11. Оп.1. Д. 221.
5. РГАНИ Ф.11. Оп. 1. Д. 227.
6. РГАНИ Ф.11. Оп. 1. Д. 231.
7. РГАНИ Ф.11. Оп. 1. Д. 243.
8. РГАНИ. Ф.11. Оп. 1. Д. 254.
9. РГАНИ. Ф.11. Оп.1. Д. 1100.
10. РГАНИ. Ф.11. Оп. 1. Д.1130.
11. Соколов А.В. Поколения русской интеллигенции. СПб.: СПбГУП, 2009. 672 с.
12. Токарева Е.А. «Для социального переворота нужны другие нравы» // Великая российская революция: общество, человек, культура, повседневность. Т.1. М.: МГПУ, 2017. С. 159 – 170.